

Н. В. ФРИДМАН

ПОЭМЫ ТУРГЕНЕВА И ПУШКИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ*

1

В 1874 г. Тургенев писал М. М. Стасюлевичу: «Вас Пушкин не может занимать более, чем меня — это мой идол, мой учитель, мой недостижимый образец — и я, как Стаций о Виргилии, могу сказать каждому из своих произведений „Vestigia semper adora“»¹. Влияние Пушкина ощущается во многих произведениях Тургенева. Но оно больше всего чувствуется в поэмах, созданных Тургеневым на самой заре его литературной деятельности, когда он упорно, старательно и плодотворно учился у своих великих предшественников — Лермонтова, Гоголя и в особенности Пушкина.

Влияние Пушкина на поэмы Тургенева рассматривается в целом ряде ценных работ, посвященных творчеству писателя. В них показано сильное воздействие на Тургенева пушкинских идей. Так, в работах П. Г. Пустовойта и Л. М. Долотовой — и это очень важно для нашей темы — отмечено, что в поэме «Параша» ее герой Виктор «пошел по одному из тех путей, которые Пушкин предсказывал Ленскому»², т. е., превратился из романтика в поместного обывателя. Отмечалось также влияние художественных форм и фразеологии творчества Пушкина на поэмы Тургенева (опять-таки главным образом на поэму «Параша»). Здесь следует назвать работы Б. В. Томашевского³, А. Г. Цейтлина⁴ и Л. А. Булаховского. Считая «Парашу» Тургенева вещь «образцовой по языку», Л. А. Булаховский подчеркивал, что в ней дана «изысканная, своеобразная и при этом не прикрытая вариация мотивов девичьей любви „Евгения Онегина“, намеренно лишенных их поэтического „взлета“, приближенных к тому, как обыкновенно в жизни „бывает“»⁵.

Однако до сих пор нет специальной работы о пушкинской традиции в поэмах Тургенева. При этом, во-первых, поэмы Тургенева никогда не рассматривались как органическое целое, объединенное пушкинскими мыслями и мотивами. Во-вторых, анализ пушкинского влияния на художест-

* Статья является расширенным вариантом доклада, прочитанного 1 ноября 1968 г. на научной сессии, посвященной 150-летию со дня рождения И. С. Тургенева, Отделения литературы и языка АН СССР и Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

¹ «Следы его всегда почитай». И. С. Тургенев. Письма. М.—Л., 1965, т. 10, стр. 213. Письмо от 15 (27) марта 1874 г.

² П. Г. Пустовойт. И. С. Тургенев. М., 1957, стр. 10. См. также статью Л. М. Долотовой «Проблема романтического идеала и действительности в раннем творчестве Тургенева» (Уч. зап. Саратовск. ун-та, Саратов, 1953, т. XXIII, стр. 124).

³ Б. Томашевский. Поэтическое наследие Пушкина. Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.—Л., 1941, стр. 303—304.

⁴ А. Г. Цейтлин. «Евгений Онегин» и русская литература. Там же, стр. 346—347.

⁵ Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. Киев, 1957, стр. 101 и 99.

венный метод и стиль поэм Тургенева был недостаточно углубленным и слишком часто ограничивался мелочными указаниями на отдельные заимствования Тургенева из Пушкина, что, конечно, очень обедняло такой анализ. На этих малоизученных вопросах, имеющих очень существенное значение для точного установления историко-литературного генезиса раннего творчества Тургенева, мы и остановимся в данной статье ⁶.

2

Не будем подробно говорить о всех героях тургеневских поэм. Нам важно лишь, что образы некоторых из этих героев сформировались под влиянием «Евгения Онегина». В поэме «Параша» Тургенев соотносит образ Виктора с образом Онегина, резко подчеркивая, что, в отличие от пушкинского героя, Виктор ничем не замечателен и даже корыстолюбив. Если «чудака» Онегина характеризует «неподражательная странность» ⁷, то в «Параше» оговорено, что Виктора уже нельзя назвать «чудаком»: в этом-то плане Тургенев и отделяет его от повествователя, который предстает перед читателями как «чудак довольно мрачный». Ближе к Онегину Андрей из одноименной поэмы Тургенева — «чудак-дикарь и несколько мечтатель», но в нем уже ясно проступают черты «лишнего человека» 40-х годов с его рефлексией и неспособностью к действию. Свою «уездную барышню» Парашу, полную эмоциональной свежести и романтических порывов, Тургенев вполне правомерно сопоставляет с Татьяной до брака («Помните Татьяну?»). Но она, конечно, лишена цельности и душевной силы пушкинской героини и почти удовлетворяется своим прозаическим замужеством. Тургеневу «жаль» Парашу, ставшую «Прасковьей Николавной». В поэме «Помещик» — на что до сих пор не обращалось внимания — замужней Параше как бы противопоставлена совсем юная девушка на балу, которая не сливается с окружающей средой; ее сила в неутерянной способности быть несчастной, остро переживать диссонансы жизни. «Ты будешь женщиной несчастной... Но я не плачу над тобой...», — говорит автор ⁸. Героиня же поэмы Тургенева «Андрей» Дуняша в конце произведения, когда она, подобно Татьяне, обращает письмо к герою, духовно выше и мятежнее замужней Парашы; свой семейный быт она воспринимает как «суровую» участь; намного острее, чем Параша, она чувствует его однообразие и заурядность. В конце произведения она гораздо больше, чем замужняя Параша, похожа на Татьяну после брака, которую томит и мучит «постылой жизни мишура», хотя Дуняша вместе с тем сознает, что ее порывы пройдут с годами и тогда «свободы» ей «не захочется самой».

Вопрос о соотношении образов поэм Тургенева с образами Онегина и Татьяны обсуждался очень многими исследователями, предлагавшими различные его трактовки. Нам же хотелось бы показать, что основные идеи поэм Тургенева были развитием мыслей Пушкина о пошлости быта, хотя в этих поэмах отчасти проявилось и влияние Гоголя ⁹.

Как известно, в поэмах Тургенев изобразил и по-своему заклеил «то, что хуже... всякой муки: живучесть пошлости» ¹⁰, «вседневной жизни безотрадный хлам» ¹¹ — то, что столь печально характеризовало жизнь

⁶ В статье не рассматривается тургеневский «Разговор», возникший под сильным влиянием Лермонтова и имеющий диалогическую форму, близкую к драме (сам Тургенев дал этому своему произведению малооправданный подзаголовок: «Стихотворение»).

⁷ «Мой неисправленный чудак», — любовно говорит Пушкин об Онегине в конце романа. Образ «чудака», резко противопоставившего себя «свету», отражал характернейшие черты передового дворянства и исключительно часто фигурировал в произведениях русских писателей первой четверти XIX века. В послании «К друзьям» Батюшков утверждал, что он «на Пинде был чудак». «Я в чудаках», — восклицал Чацкий в «Горе от ума».

⁸ См. XXIII строфу «Помещика».

⁹ См. об этом ниже.

¹⁰ «Андрей».

¹¹ Стихотворение «Русский» (1840).

дворянского поместья и города 40-х годов ¹².

Она сильна;
Ей наша жизнь давно покорена,

— писал о пошлости быта Тургенев ¹³. Изображение подобной пошлости было особенно сильным, так как Тургенев в эти годы — по свидетельству П. В. Анненкова — «самым позорным состоянием, в какое может попасть смертный, считал... то состояние, когда человек походит на других. Он спасался от этой с т р а ш н о й участи, навязывая себе невозможные качества и особенности, даже пороки, лишь бы только они способствовали к его отличию от окружающих»¹⁴. В эти годы Тургенев, как убедительно показала Л. М. Долотова, еще сохранял «романтический идеал», который не укладывался в «жизненные рамки»¹⁵. Исследователи давно установили: уже в первой поэме Тургенева «Параша» отразилось то, что мы бы условно назвали ситуацией судьбы Ленского. В XXXIX строфе VI главы «Евгения Онегина» Пушкин с гениальной точностью нарисовал самый обычный и распространенный в его время вариант превращения человека в обывателя — полный уход в узкий мирок пошлой семейной жизни в провинции. Пушкин писал в упомянутой строфе «Евгения Онегина» об «обыкновенном уделе» Ленского, носящего «стеганный халат» в деревне:

Пил, ел, скучал, толстел, хирел.
И наконец в своей постели
Скочнулся б посреди детей,
Пласивых баб и лекарей.

Эта ситуация судьбы Ленского ¹⁶ и дана в «Параше», где иронически изображен «законный, мирный брак» Виктора и Параша. Такой брак здесь становится ультрапрозаическим финалом любовных отношений, история которых отчасти напоминала историю отношений Онегина и Татьяны («Он был женат на ней — четвертый год и как-то странно потолстел» — говорит о Викторе и Параше Тургенев; это «потолстел» идет прямо из строфы «Евгения Онегина», посвященной судьбе Ленского). Но ситуация судьбы Ленского лежит в основе в с е х ранних поэм Тургенева и некоторых его ранних стихотворений. Все эти произведения — «антисемейные». Использование ситуации судьбы Ленского придавало им особую общественную ценность, так как дворянско-помещичья и чиновничья семья была в 40-е годы воплощением и средоточием пошлости и собственничества (не случайно в «Параше» и в «Андрее» есть социально-политические намеки и идеи, касающиеся всей дворянско-помещичьей России ¹⁷).

В стихотворении «Человек, каких много» (1843) герой, который предавался романтическим «„безотчетным“ мечтам и снам»,

...женился на соседке,
Надел халат¹⁸

¹² Об этом обличении пошлости в поэмах Тургенева лучше всего сказал В. И. Кулепов в книге «Натуральная школа в русской литературе». М., 1965, стр. 236—239.

¹³ «Андрей».

¹⁴ П. В. А н н е н к о в. Литературные воспоминания. М., 1960, стр. 382 («Молодость И. С. Тургенева»). Разрядка Анненкова.

¹⁵ См. Л. М. Д о л о т о в а. Указ. соч., стр. 119.

¹⁶ Следует помнить, что перед Ленским открывались разные пути: он мог бы стать выдающимся поэтом (см. XXXVII строфу романа) или сделаться декабристом. Согласно варианту XXXVIII строфы романа он мог «быть повешен, как Рылеев» (А. С. П у ш к и н. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. VI, стр. 612). Но для изучения поэм Тургенева важно именно возможное превращение Ленского в поместного обывателя.

¹⁷ В LXII строфе «Параша» говорится о пошлости всего быта дворянско-помещичьей России, а VIII строфа первой части «Андрея» содержит выпады против цензуры.

¹⁸ Это тоже деталь, явно идущая из строфы «Евгения Онегина», посвященной судьбе Ленского.

И уподобился насадке —
Развел пылят.
И долго жил темно и скупо —
Слыл добряком...

.....: 19

Когда исследователи творчества Тургенева касались поэмы «Помещик», они обычно указывали на то, что это «типичный физиологический очерк, облеченный в стихотворную форму»²⁰, и чаще всего сближали поэму с традицией Гоголя²¹. Однако никто серьезно не исследовал ее сюжет, который опять-таки близок к ситуации судьбы Ленского и потому обнаруживает связь с пушкинской традицией, а также с общими реалистическими устремлениями русской литературы 40-х годов, часто снижавшей романтические, главным образом, любовные темы. Вся ироническая соль поэмы заключается в том, что ее герой, который вначале изображен покрытым «стеганым халатом» (деталь, идущая, конечно, из той же строфы о Ленском), едет на свидание к вдовушке, но напрасно гоняется «за мечтами». Он встречает свою супругу и вынужден вернуться с ней домой. Саркастические тирады Тургенева в конце поэмы снова характеризуют ее как «антисемейную»:

...нет! муж
Устроен для жены.
С с о е й²² женой —
Заметьте — под конец рассказа
Соединяется герой.

Та же «антисемейная» тенденция, на этот раз серьезная, как и в «Параше», проходит в поэме Тургенева «Андрей». Если в «Помещике» герой соединяется «с с о е й женой», то в «Андрее» герой увлекается «чужой женой» — которая любила «мужа своего», «свой дом» (самое повторение слова «свой», как бы подчеркивает иллюзорно-собственническое благополучие дворянской семейной жизни). В «стоячей воде» этой жизни и вынуждена остаться героиня поэмы — «собственность чужая»: ее роман с Андреем не кончается ничем, хотя в финале дано ее большое письмо к Андрею, во многом напоминающее и даже повторяющее письмо Татьяны к Онегину.

Наконец, в шутливо-эротической поэме «Поп», принадлежность которой Тургеневу оспаривалась Н. М. Гутьяром и М. О. Гершензоном и была окончательно доказана Н. Л. Бродским, когда он в 1917 г. впервые полностью опубликовал поэму в России, мы неожиданно находим то же ироническое изображение семейной жизни, но на этот раз чиновничьей. Н. Л. Бродский привел многочисленные биографические и текстологические доказательства принадлежности Тургеневу этой поэмы²³. Однако он не указал на то, что именно «антисемейные» мотивы этой поэмы, носившей в то же время антиклерикальный характер²⁴, служат еще одним доказательством ее принадлежности Тургеневу. Поэма, имеющая шутливо-эротический сюжет, заканчивается очень серьезно и чисто по-тургеневски. Тургенев опять говорит о пошлости семейной жизни, подчеркивая печальное противоречие между романтической мечтой и действительностью. Он пишет о героине поэмы:

¹⁹ Видимо, эти два ряда точек, завершающие стихотворение, должны были, по замыслу автора, резко подчеркнуть банальную застойность быта.

²⁰ И. Тургенев. Стихотворения. Л., 1950, стр. 37 (А. Островский: Тургенев-поэт). Об этом писал еще Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (В. Г. Белинский. Полное собр. соч. М., 1956, т. 10, стр. 345).

²¹ См., например; П. Г. Пустовойт. И. С. Тургенев. М., 1957. стр. 18.

²² Разрядка Тургенева.

²³ И. С. Тургенев. «Поп». Поэма. М., 1917, стр. VIII, и др.

²⁴ См. Т. А. Рот. Поэма И. С. Тургенева «Поп» (Вопросы стили художественной литературы. Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, М., 1964, № 231, стр. 340).

А Саша, господа,
Вступила в брак с чиновником. Зимой
Я был у них... обедал — точно, да.
Она слывет прекраснейшей женою
И недурна... толстеет²⁵ — вот беда!
Живут они на Воскресенской, в пятом
Этаже, в номере пятьсот двадцатом.

О том же расхождении мечты и действительности, о пошлости семейной жизни, пошлости, часто печально завершающей романтические искания и порывы, ярче и острее всего говорится в X строфе поэмы:

В ребяческие годы мы хотим
Любви «святой, возвышенной» — направо,
Налево мы бросаемся... кутим...
Потом, утомившись понемногу,
Мы с кем-нибудь живем — и слава богу!

Таким образом и по своей сути, и в своих художественных деталях все поэмы Тургенева развивают ситуацию судьбы Ленского²⁶. Более того, они построены по тому же самому принципу отсутствия конфликта, который в тематическом плане дан в строфе «Евгения Онегина», посвященной судьбе Ленского. Ведь вся суть этой строфы состоит в том, что из жизни Ленского исчезает какая-либо динамика. В его «обыкновенном уделе» нет никакого движения, и это равносильно духовной смерти. В поэмах Тургенева, которые, как было сказано, по-своему продолжают идеи этой строфы, конфликт только назревает, но ни во что не выливается, не получает никакого реального развития. Виктор и Параша кончают мирным и пошлым браком. Помещик только собирается и едет к вдовушке, но не попадает к ней и возвращается обратно со своей женой. История любви Андрея и Дуняши обрывается, и герои ни в какой мере не меняют своего жизненного положения. И в «Попе» герой обещает жениться на сестре попадьи Саше, но потому что он обманщик, эта сюжетная линия как бы пропадает, и Саша выходит замуж за чиновника. Очень характерно начало последней, XIV строфы поэмы:

Что же сделалось с попом и попадьёю?
Да ничего.

«Ничего» по сути дела не происходит со всеми героями тургеневских поэм. Ситуация судьбы Ленского, которая намечена в рамках одной строфы, становится у Тургенева основой всего сюжета его ранних поэм. Может быть, однако, в этом и заключается известная их слабость. Тургенев не дает острых конфликтов, связанных с пошлостью дворянско-помещичьей и городской семейной жизни, а показывает ее, так сказать, в непосредственной, почти натуралистической жизненной реальности. Это делает его поэмы «Параша» и «Андрей», посвященные серьезным проблемам, несколько растянутыми и лишенными динамичного сюжетного развития. Тургеневу в названных поэмах, конечно, не удалось сделать того, что так блестяще осуществил Пушкин в «Евгении Онегине», не удалось насытить свои произведения живыми и увлекательными сюжетными ситуациями, раскрывающими в действии все глубины психологии героев.

Заметим, что в своих описаниях пошлости поместной жизни Тургенев шел, конечно, не только от ситуации судьбы Ленского, но и от очень многих других идейно-художественных элементов «Евгения Онегина». Автор примечаний к I тому нового полного собрания сочинений Тургенева Л. Н. Назарова впервые заметила, что строчка XXVI строфы «Помещика»: «Крик, хохот, топот, говор, звон», рисующая бал у вдовушки, является отраже-

²⁵ Это снова деталь, восходящая к упомянутой строфе «Евгения Онегина» о судьбе Ленского.

²⁶ Это опять-таки не относится к «Разговору», представляющему собой скорее всего стихотворную драму.

нием строчки LIII строфы VII главы «Евгения Онегина», где изображен бал в московском дворянском собрании: «Шум, хохот, беготня, поклоны»²⁷. Но Л. Н. Назарова не указала, что эта строчка «Помещика» близка также к строчке XXV строфы V главы «Евгения Онегина», где описан бал у Лариных в провинциальной помещичьей семье: «Шум, хохот, давка у порога». Как впервые показал Д. Д. Благой в одной из своих ранних работ, эта последняя строчка из «Евгения Онегина» в свою очередь имеет параллели в сне Татьяны: «Лай, хохот, пенье, свист и хлоп» (строфа XVII, глава V). Д. Д. Благой писал, что «в сне Татьяны — в нарочитом искажении, в чудовищных гротесках поэт зарисовывает то же мелкопоместное дворянство»²⁸. И вероятно именно для того, чтобы резко подчеркнуть чудовищную пошлость поместного быта, Тургенев ввел в свою поэму «Помещик» строчку: «Крик, хохот, топот, говор, звон» явно и демонстративно восходящую к пушкинскому роману.

В целом же, конечно, сопоставление поэм Тургенева и произведений Пушкина должно основываться не на мелких заимствованиях (их можно привести сколько угодно, в том числе и множество таких, на которые никогда не указывали исследователи)²⁹, а на остром критицизме, который проявлялся у обоих великих писателей-реалистов в их изображении пошлости быта. В связи с этим острым критицизмом должна решаться и проблема сравнительного типологического изучения художественного метода и стиля произведений Пушкина и поэм Тургенева.

3

На художественный метод поэм Тургенева существуют различные точки зрения. Но лучше всего определила его Л. М. Долотова в своей очень интересной статье о раннем творчестве писателя, которую мы уже упоминали. Она правильно установила, что поэмы Тургенева, где еще сохранился «романтический идеал», отражали «идейный кризис» писателя и были этапом к его «окончательному переходу на позиции натуральной школы»³⁰. С нашей точки зрения, основополагающее значение здесь имело то, что для молодого Тургенева еще сохраняла всю свою силу теория страстей, типичная для классицизма и романтизма, но совершенно различно трактовавшаяся представителями этих двух литературных направлений. И классики и романтики рассматривали человеческие страсти в их «душевной отъединенности»³¹, как нечто генетически независимое от среды. Но классики считали, что страсти можно и должно победить силой разума, между тем как романтики (Пушкин, Лермонтов, Тютчев) находили, что человек может и должен жить именно в бурной стихии страстей, которую не следует подчинять строгому голосу рассудка. Для Тургенева-поэта романтические страсти сохраняют всю свою привлекательность; он в этом смысле вовсе не похож на Гончарова, несколько позднее осмеявшего их в «Обыкновенной истории», где в печальной эволюции Адуева-младшего тоже своеобразно отразилась ситуация судьбы Ленского. Тургенев поэтизирует «дерзостную власть» страстей. Но, вступая на путь натуральной школы, он показывает, как эти страсти, генетически не зависящие от среды, именно

²⁷ И. С. Тургенев. Соч. М.—Л., 1960, т. I, стр. 548.

²⁸ Д. Б л а г о й. Социология творчества Пушкина. М., 1929, стр. 107.

²⁹ Приведем несколько новых примеров. «Чужим умом питался весь свой век» («Параша»). «Себе присвоить ум чужой» («Евгений Онегин»). «Мы развиваемся заметно» («Помещик»). «У нас умы уж развиваться начинают» («Граф Нулин»). «И разорился наконец» («Помещик»). «И промотался наконец» («Евгений Онегин»). «Добрый малым был рожден» («Андрей»). «Иль просто будет добрый малый» («Евгений Онегин»). «Я благодарна вам... Вы правы... правы» («Андрей»). «Вы были правы предо мной. Я благодарна всей душой» («Евгений Онегин»). «Тарантас... на бок» («Помещик»). «Юляска на бок» («Граф Нулин»).

³⁰ См. Л. М. Д о л о т о в а. Указ. соч., стр. 131.

³¹ См. Г. А. Г у к о в с к и й. «Пушкин и русские романтики». М., 1965, стр. 43.

под ее влиянием или не выражаются до конца или оказываются разбитыми пошлостью поместной и городской жизни ³².

В этом ключ к изучению образа повествователя в тургеневских поэмах «Параша» и «Андрей». Он существенно отличается от образа повествователя в «Евгении Онегине», хотя и возникает под значительным его влиянием. Вмешиваясь в ход событий, подобно повествователю в «Евгении Онегине», повествователь в поэмах Тургенева, в отличие от пушкинского, стоит ближе к героям, а главная его задача заключается в том, чтобы показать и прокомментировать вопиющую пошлость жизни, в то время как повествователь в «Евгении Онегине» ставит перед собой гораздо более сложные и многогранные цели. Поэтому повествователь в поэмах Тургенева все время иронизирует над самим собой, над своим внутренним убеждением, что по-настоящему благодетельны только свободные, ничем не сдерживаемые человеческие страсти. Если персонажи поэм Тургенева часто думают: «разгар страстей опасен», то вот что говорит сам автор о героине «Андрея» Дуняше перед тем, как она забывает, что «страсти слушаться — беда»:

Но не была за то знакома ей
Восторгов нескончаемых отрада,
Тоска блаженства.... правда; но страстей
Бояться должно: самая награда
Не стоит жертвы, как игра — свечей...
Свирепый, буйный грохот водопада
Нас оглушает... Вообще всегда
Приятнее стоячая вода.

Все это, конечно, сплошная романтическая ирония ³³. Она близка не столько к иронии «Евгения Онегина», сколько к иронии некоторых строф «Домика в Коломне», где повествователь с преднамеренной резкостью снижает свои самые высокие и затаенные мысли и порывы, но именно это снижение особенно ясно обнаруживает их глубину и поэтичность. Вспомним конец XI строфы «Домика в Коломне»;

Станным сном
Бывает сердце полно; много в з д о р у ³⁴
Приходит нам на ум, когда бредем
Одни или с товарищем вдвоем.

Невыраженность или гибель страстей под влиянием пошлого быта — это и ключ к изучению всего стиля тургеневских поэм (под стилем мы понимаем систему художественных средств, обладающих единством повторяемости). Изучение реалистического стиля — одна из самых насущных задач современного литературоведения уже потому, что реализм писателей XIX в., по нашему мнению, невозможен вне реалистической формы, так как он предполагает изображение влияния на личность определенных социальных условий; эти условия неизбежно должны быть нарисованы в бытовых тонах самой жизни. Между тем романтизм (как и предромантизм) писателей XIX в. представляет собой скорее некий круг идей; их часто могут воплощать и не романтические стилиевые формы (вспомним «Портрет» Гоголя с его бытописью, или поэзию Батюшкова с ее часто «классической» стилистикой).

Когда-то К. К. Истомин в книге «„Старая манера“ Тургенева» утверждал, что поэмы Тургенева стилистически только эклектичны и что молодой

³² В поэмах Тургенева страсти чаще всего (как нередко бывает и в его прозаических произведениях) не выражаются до конца у мужчин (например, у Андрея) и разбиваются из-за пошлости жизни у женщин (например, у Дуняши). В поэме «Андрей» Тургенев пишет: «Женщина всегда в любви так бескорыстно благородна... И предаются смело, до конца, Одни простые женские сердца».

³³ Иногда повествователь в той же поэме «Андрей» оставляет эту романтическую иронию и прямо высказывается в пользу страстей (см. строфу LX первой части этой поэмы, где прославляется смелая женская любовь).

³⁴ Разрядка моя.— Н. Ф.

писатель «запутался» в пушкинском и лермонтовском стилях³⁵. Это совершенно ошибочное мнение. Напротив, Тургенев в своих поэмах очень умело использовал пушкинский, в частности «онегинский» стиль, выбрав из него как раз те художественные элементы, которые помогали показать, как страсти подавляются или уничтожаются пошлостью быта. В поэмах Тургенева присутствуют два стилистических ряда и оба они идут от Пушкина. Тургенев с некоторыми, иногда значительными вариациями или буквально воспроизводит пушкинскую романтическую фразеологию любви, широко развернутую в южных поэмах, но использованную и в первом образце «законченного» русского реализма — в «Евгении Онегине» с его любовным сюжетом. Сюда относятся такие тургеневские словосочетания как «тоска блаженства», «огонь страданья», страсть «горестная и знойная», «задумчивая и страстная» душа, «страстные мгновенья», «печально-страстный голос»³⁶. Все это, конечно, находит те или иные стилистические параллели у Пушкина. Приведем только два буквальных совпадения. Тургенев говорит о Параше:

...и понемногу грусти томной
Вся предалась...

Ср. в «Евгении Онегине»:

Певец «Пиров» и грусти томной.

Об «Андрее» Тургенев пишет:

... тайный жар его томил и жег.

Татьяна в «Евгении Онегина» «ищет и находит» в романах

Свой тайный жар, свои мечты.

Вместе с тем, сталкивая романтические страсти с пошлым бытом, Тургенев чаще всего использует просторечный, бытовой словарь, опять-таки идущий от пушкинского «Евгения Онегина». Как отметил Л. А. Булаховский, в словаре тургеневских поэм «много „простого“, обыденного, элементарно-бытового, относящегося к жизни среднего поместья»³⁷. Но вступая на пути натуральной школы, Тургенев вводит в свои поэмы еще более прозаические слова, чем те, которые мы находим в «Евгении Онегине»; это выглядит особенно вызывающим, кажется особенно «материальным» на фоне романтической фразеологии страстей и великолепных пейзажей, которые почти всегда присутствуют в тургеневских поэмах. Недаром мать Тургенева писала ему: «Сейчас подают мне землянику. Мы деревенские все материальное любим. Итак, твоя „Параша“ — твой рассказ, твоя поэма — пахнет земляничкою»³⁸.

В поэмах Тургенева лицо одной из героинь сравнивается с «широгом», девицы с «устрицами», вдовушка со «свежепросольным огурцом»³⁹; в комнате помещика висят «запачканные клеточки», шкаф назван «шпиковатым»⁴⁰. Вообще в поэмах Тургенева по сравнению с «Евгением Онегиным»

³⁵ См. К. К. Истомин. «Старая манера» Тургенева, СПб., 1913, стр. 30.

³⁶ Характерно, что «печально-страстным голосом» Дуниша в поэме «Андрей» поет романс, стилизованный под любовную лирику пушкинской поры.

³⁷ См. Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 100.

³⁸ И. М. Малышев. Мать И. С. Тургенева и его творчество. «Русская мысль», 1915, кн. XII, отд. XVIII, стр. 113.

³⁹ Слово «свежепросольный» употреблялось в пушкинское время. Так, Н. М. Языков в 1823 г. писал братьям из Дерпта: «Напишите мне, когда можете выехать из Петербурга: ужели не прежде свежепросольных груздей?» (Письма Н. М. Языкова к родным. СПб., 1913, стр. 81). Но в «Словаре языка Пушкина» слова «свежепросольный» нет.

⁴⁰ С точки зрения словесной бытописи, очень типична и интересна XXVIII строфа поэмы Тургенева «Помещик», строфа, которая уже не входит в основной текст нового полного собрания сочинений писателя, так как в 1857 г. Тургенев исключил ее из произведения. Здесь иронически нарисован К. С. Аксаков — «умница московский,

значительно усиливается роль просторечия (см. в «Параше»: «Сад у меня простенок»); с этим гармонируют и такие слова, которые, очевидно, были характерными уже для 40-х годов и не встречаются в «Словаре языка Пушкина»: «степнячка», «поэтка», (вместо современного «поэтесса»), «путеец» и т. п. Правда, есть в поэмах Тургенева и пушкинские бытовые образы, например, «жирный блин» (ср. в «Евгений Онегине»: «У них на маслянице жирной водились русские блины»).

Реалистической сниженности повествования в поэмах Тургенева соответствует еще один прием, которого не найдешь у Пушкина и вообще, кажется, ни у одного другого русского поэта 20—40-х годов. Тургенев очень часто берет в кавычки высокие слова и выражения, тем самым подчеркивая их неестественность и ненатуральность в условиях пошлого помещичьего и городского быта. Например, в кавычки взяты словосочетания: «пленил и восхитил», «жизни бремя», «священный страх», «мирная тишина» (этот прием Тургенев использует и тогда, когда хочет обозначить общеизвестность какого-либо выражения или его наличие у других писателей). И в поэме «Поп» есть слова: «Хотим любви, святой, возвышенной» — последние чисто тургеневские кавычки служат еще одним доказательством принадлежности писателю этой поэмы.

4

Весь этот анализ показывает, что, хотя зрелый Тургенев не любил своих поэм и чувствовал к ним «положительную, чуть не физическую антипатию»⁴¹, они не только были этапом пути к его дальнейшим прозаическим шедеврам, но и необычайно ярко обнаруживали его органическую связь с предшествовавшей классической традицией романтизма и реализма. Именно в них особенно ясно видна, как выразился Белинский в своей рецензии на «Парашу», «живая историческая последовательность литературных явлений»⁴². И мы можем в данном случае говорить не только о «последовательности», но и о причинной историко-литературной связи, потому что творчество Пушкина (особенно «Евгений Онегин») мощно стимулировало как вызванную самой русской жизнью 40-х годов острую неприязнь Тургенева к пошлости собственнического семейного быта, так и выработку им в поэмах своего раннего реалистического стиля, в котором присутствовали и романтические элементы (это сочетание реализма и романтизма в высшей степени характерно и для стиля большинства прозаических произведений Тургенева всех этапов его творчества). Несмотря на то, что в поэмах молодого Тургенева много слабостей, присутствующих начинающему писателю (есть в них и недостаточно оправданные заимствования из Пушкина), он развил и значительно углубил мотив пошлости быта, прозвучавший у Пушкина в ситуации судьбы Ленского, и в то же время на основе пушкинского, главным образом «онегинского», стиля выработал собственный стиль, весьма умело распорядившись различными стилевыми струями творчества Пушкина. Этот стиль помог Тургеневу, вступавшему на пути натуральной школы, бороться с той «ложновеличавой школой» высокопарного классицизма и высокопарного романтизма, которую он резко прогивопоставлял школе Пушкина (в своей лекции о Пушкине, прочитанной в 1859 г.) и к которой он относил Кукольника, Бенедиктова, Загоскина, Марлинского и даже Брюллова и В. А. Каратыгина⁴³. (кстати

мясистый, пухлый, с кадыком) (он «ест редьку»), а чиновник, спасающийся «от долгов», сравнивается с зайцем.

⁴¹ И. С. Тургенев. Письма, М.—Л., 1965, т. 10, стр. 256. Письмо С. А. Венгеру от 19 июня (1 июля) 1874 г.

⁴² В. Г. Белинский. Полное собр. соч., М., 1955, т. 7, стр. 79. Именно в этой рецензии на «Парашу» Белинский впервые в русской критике серьезно заговорил о влиянии Пушкина на Тургенева-поэта.

⁴³ И. С. Тургенев. Литературные и житейские воспоминания. Соч., М.—Л., 1967, т. 14, стр. 38.

сказать, пародия на Бенедиктова, сначала почитавшегося Тургеневым, есть в «Помещике», а в «Параше» говорится, что героиня «равно Марлинского и Пушкина любила», чем иронически подчеркивается полная несоизмеримость этих двух литературных величин).

Встает и вопрос о соотношении пушкинской и гоголевской традиции в поэмах Тургенева. В. И. Кулешов недавно справедливо заметил, что вообще в поэмах Тургенева «должны быть выявлены пушкинская, лермонтовская, гоголевская традиции писателей натуральной школы»⁴⁴. Вопрос об отношении Тургенева к гоголевской традиции очень сложен, выходит за тематические рамки нашей статьи и мы не будем его подробно освещать. Однако можно указать на то, что в 1856 г. Тургенев писал А. В. Дружинину: «Вы помните, что я поклонник и малейший последователь Гоголя, толковал Вам когда-то о необходимости возвращения пушкинского элемента, в противовес гоголевскому»⁴⁵. «Когда-то» — очевидно в 40-е годы. Совершенно верным представляется традиционное мнение о том, что из поэм Тургенева ближе всего к гоголевской традиции «Помещик», хотя и здесь писатель нигде не применяет гоголевский остросатирический гротеск⁴⁶. Есть отголоски гоголевской манеры и гоголевских произведений и в других поэмах Тургенева (в поэме «Андрей» герой сравнивается с Маниловым и др.). Но типологически поэмы Тургенева продолжают в целом пушкинскую традицию «Евгения Онегина», а не гоголевскую традицию «Мертвых душ» и потому, что все они (даже «Помещик» и «Поп») имеют любовный сюжет, и потому, что в них используется и развивается пушкинская трактовка и фразеология страстей, и потому, что во всех этих поэмах именно в «онегинском» — иронически-бытовом, а не в остросатирическом ключе разработана тема пошлости собственнического семейного быта.

Особенно существенны тут жанровые признаки. По нашему мнению, поэмы Тургенева в жанровом отношении можно разделить на две группы. «Параша» и «Андрей» — эти стихотворные любовные повести⁴⁷ — продолжают, хотя и в значительно суженном виде, традицию «Евгения Онегина». В них, как и в пушкинском романе в стихах, описание любовных переживаний героев дано на широком бытовом фоне. Как мы уже отметили, образ повествователя здесь менее многогранен, чем в «Евгении Онегине», и ограничен преимущественно областью романтической иронии. И все же он является наследником самых серьезных черт «онегинского» повествователя, размышляющего о сложных философских и общественных вопросах и о художественном творчестве. В поэмах же «Помещик» и «Поп» продолжена жанровая традиция «Графа Нулина», где тоже разработан любовный сюжет, но в шутивно-пародийном плане. В этих поэмах Тургенева повествователь, лукаво, а иногда и зло подсмеивающийся над своими героями, является в подавляющем большинстве случаев наследником иронических черт повествователя в «Евгении Онегине» и почти двойником повествователя в «Графе Нулине».

Но обе группы тургеневских поэм объединяет «разговорность», определяющая всю речевую манеру повествователя в упомянутых произведениях Пушкина. «Разговорна» сама строфика поэм Тургенева, близкая к строфике «Евгения Онегина» и «Домика в Коломне» (октава в «Андрее» и в «Попе», тринадцатистрочная строфа в «Параше», шестнадцатистрочная

⁴⁴ В. И. Кулешов. Натуральная школа в русской литературе. М., 1965, стр. 158.

⁴⁵ И. С. Тургенев. Письма, М.—Л., 1961, т. 3, стр. 30, Письмо от 30 октября (11 ноября) 1856 г.

⁴⁶ См. об этом, например, Т. А. Рот. Поэтическое наследие Тургенева. Автореф. канд. дисс. М., 1965, стр. 17.

⁴⁷ «Параша» имеет подзаголовок «Рассказ в стихах». Но по существу это, конечно, стихотворная повесть.

строфа в «Помещике»). Эти длинные и гибкие строфы, как и в соответствующих пушкинских произведениях, создают впечатление подробной дружеской беседы с читателем. Такой беседе придает особую живость применение во всех больших разговорных произведениях Тургенева и Пушкина четырехстопного или пятистопного ямба, хотя у Тургенева она развивается в общем медленнее, чем у Пушкина. И не может быть никакого сомнения в том, что строфика и ритмика поэм Тургенева возникла и сформировалась под сильнейшим влиянием Пушкина ⁴⁸.

К сожалению, размеры статьи не позволяют в полном объеме показать сходство художественных приемов в поэмах Тургенева и произведениях Пушкина. Ограничимся одним примером. В своей недавно вышедшей книге «Теория стиля» А. Н. Соколов тонко отметил «заострение» сюжетного финала в «Графе Нулине». «В конце „Графа Нулина“, — пишет А. Н. Соколов, — появляется образ молодого помещика Лидина, смеявшегося вместе с Натальей Павловной над ночным приключением, что позволяет читателю по достоинству оценить „добродетельность“ скучающей помещицы» ⁴⁹. Этот «заостренный» сюжетный финал бросает свет на еще неизвестные читателю психологические мотивы поведения героини, отвергнувшей домогательства Нулина главным образом потому, что у нее был любовник. Почти такой же прием «заострения» сюжетного финала, правда менее изящный и остроумный, находим в «Попе» Тургенева. В последней строфе поэмы совершенно неожиданно сообщается о браке Саши с чиновником, и только здесь читателю становится вполне ясным, что герой, обещавший на ней жениться и дававший «ужаснейшие клятвы», действовал просто как пошлый обманщик.

5

Тургенев говорил, что в произведениях Пушкина жило «предсознанное им будущее» ⁵⁰. Одним из выражений этого «будущего» и являлись тургеневские поэмы. Сгущая в них приемы и краски Пушкина, отнюдь не пародируя его, но опираясь на его наследие, Тургенев сделал важный шаг к созданию своих прозаических произведений — шедевров русского и мирового классического реализма.

В заключение укажем, что тургеневский мотив пошлости собственной семейной жизни несомненно перекликается с такими же мотивами в русской поэзии XX в., хотя, конечно, мы здесь имеем дело не с влиянием Тургенева, а, как выразился Белинский, с «живой исторической последовательностью литературных явлений» ⁵¹. Мотивы, направленные против пошлости буржуазного семейного быта, прозвучали у Блока в его полном романтической иронии стихотворении «Поэты» (1908):

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией купой...

— писал Блок, обращаясь к обывателю. Повторяем, здесь не было непосредственной историко-литературной причинной связи, хотя Блок интересовался поэзией Тургенева (вспомним его стихотворение «Седое утро» с эпиграфом из Тургенева: «Утро туманное, утро седое»), а Тургенев-поэт, как ни парадоксально, в известной мере, предвосхитил цыганские мелодические повторы Блока (вспомним хотя бы строчки Тургенева: «Тот голос страстный, голос милый, летит и просится ко мне...») ⁵².

⁴⁸ В то же время на стиль поэм Тургенева повлиял стиль поэм Лермонтова: «Сказка для детей» и «Сашка» (см. об этом, например, в примечаниях Т. П. Головановой к I тому нового полного собрания сочинений Тургенева. М.—Л., 1960, стр. 616).

⁴⁹ См. А. Н. Соколов. Теория стиля. М. 1968, стр. 144.

⁵⁰ И. С. Тургенев. Речь о Пушкине. Соч., М.—Л., 1933, т. 12, стр. 232.

⁵¹ См. выше, сноску 42.

⁵² «К чему твержу я стих унылый...».

Позднее, в период НЭП'а Маяковский в поэме «Про это» восставал против возрождения пошлости собственнической буржуазной семьи:

Ты, может, к ихней примазался касте?
Целуешь?
 Ешь?
 Отпускаешь брюшко?
Сам
 в ихний быт,
 и в их семейное счастье
Намереваешься пролезть петушком?!

И здесь не было прямого влияния Тургенева. И все же в высшей степени примечательно, что самые крупные поэты XX в. продолжили традицию острой неприязни к пошлomu собственническому быту, традицию, у истоков которой стояли Пушкин и его ученик Тургенев. Но это, разумеется, особая тема для исследования.